

УДК 130.2:323.11

**СВОБОДА ВЫБОРА И МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ***Г.К. Гизатова, О.Г. Иванова***Аннотация**

В статье маргинализация рассматривается как важнейший фактор самоидентификации. Показывается, что с изменением устоев общества происходит его маргинализация, принципиально изменяются условия существования человека, и он вынужден выбирать свой путь, цели и способы достижения этих целей, то есть оказывается в ситуации свободы – свободы выбора. Раскрывается взаимосвязь маргинальности и свободы.

Ключевые слова: маргинальность, свобода, выбор, социокультурные условия, идентичность, глобализационные процессы, ситуация напряжения.

Проблема маргинальности, разработке которой с 20-х годов XX века уделяется большое внимание в западной общественной мысли, не занимала важного места в научных исследованиях советских учёных. В современных условиях, когда российское общество, сформировавшееся в результате преобразований, осуществлявшихся на рубеже веков, находится в состоянии постоянной трансформации, становления, оформляется и получает развитие точка зрения, согласно которой категория маргинальности обладает большими эвристическими возможностями при анализе его состояния и нуждается в разработке именно в контексте современных социокультурных условий российской действительности. Анализируя современное российское общество, большинство исследователей (например, В.И. Добренков, Н.Н. Моисеев, А.Л. Андреев, А.С. Панарин, В.Г. Федотова и др.) отмечают, что его ведущим признаком является разрушение всех структур – экономической, социальной, политической и духовной. Деструктивные явления обуславливают его маргинализацию, поэтому проблема маргинальности, анализ различных её аспектов приобретают большую значимость в современных отечественных социогуманитарных исследованиях.

Возникнув в общественной мысли США, проблема маргинальности сегодня привлекает к себе внимание представителей самых разных гуманитарных наук, приобретая, таким образом, статус проблемы междисциплинарной. Социально-философское её осмысление активизируется в конце XX века, когда в сферу философского анализа оказываются вовлечёнными такие проблемы, как проблема глобализации, социокультурной динамики, идентичности и другие. Безусловно, маргинальность – это социальная конструкция, поэтому исследование её проявлений в жизни общества, социальных групп, отдельных личностей, противоречивости этих проявлений, несомненно, представляет научный

интерес. Сама постановка проблемы маргинальности была осуществлена как средство анализа отношений «социальный субъект – социальная общность». Введённое американским социологом Р. Парком понятие «маргинальная личность» с течением времени неминуемо потребовало выхода за рамки исследования социально-психологических особенностей отдельной личности и её адаптационных стратегий в русло более широкого культурологического анализа. Как следствие, словом «маргиналы» начинают называть не только отдельных личностей, но и целые социальные группы, находящиеся «на обочине» или даже вне рамок существующих в обществе социокультурных ценностей и традиций, за пределами имеющихся социальных структур.

Маргинальная ситуация – это сфера напряжённости, поскольку она формируется на границах разнородных форм социокультурного опыта. Изменения, происходящие в мире в последние десятилетия под влиянием глобализационных процессов, интенсификация взаимодействия между представителями разнородных этнокультурных и религиозных традиций, гомогенизация культуры, усиление и усложнение влияния средств массовой коммуникации на людей обуславливают то, что маргинальная ситуация уже не является исключением в современном обществе, а скорее, выступает нормой существования социума (см. [1, с. 146–147]). Неслучайно, что в последнее время формирование дискурса маргинальности осуществляется в направлении избавления от упрощённости и политизированности к рассмотрению её (маргинальности) в более широком контексте проблем, связанных с изучением механизмов динамики культуры, конструированием индивидуальной и социальной идентичности, особенностями функционирования в обществе национального сознания и др. Как отмечает Б. Марков, сама философия не должна стремиться реализовать себя как дискурс о тотальном, а её субъектом является скорее маргинальная, чем центральная фигура истории, представляющая ограниченные и локальные практики. «Он располагается на границах того, о чём он пишет. Его нельзя мыслить как некий полюс или силу, преодолевающую сопротивление объекта. Субъективность – скорее некое перекрестье, как у Хайдеггера, или соприкосновение, диалог на границах, как у Бахтина, который также отказывался воспринимать субъекта как “природу”, “сущность” или “субстанцию»» [2, с. 246].

Рассмотрение маргинальности во взаимосвязи с проблемой идентичности позволило говорить о том, что в каком-то смысле маргинальность представляет собой определённый маркер идентичности. Так, С. Баньковская считает, что «функциональное значение определения Чужаков следует из наличия у них универсальной социальной дистанции (в пространственном измерении) или “сомнительной приверженности” культурному образцу (в темпоральном)... в качестве которого могут выступать нормы социального порядка, находящиеся “по другую сторону границы”. Таким образом, маргинализация участвует в процессе социальной рефлексии, самоидентификации группы, общества (или сообщества), предоставляя возможность указать на то, чем оно не является, и провести его границу или чем оно стало по сравнению с прежним его состоянием. Причём граница эта пролегает не между “мы” и “они”, но между “мы” и “все другие” (“не такие, как мы”) или между “мы сейчас” и “все прежние наши состояния” (“не такие, как сейчас”). Очевидно, что функциональное определение Чужака,

по сути своей – лишь дополнение к идентификации (самоидентификации) группы; Чужак – это средство “взглянуть на себя со стороны” или даже “взглянуть на себя изнутри”» [3, с. 84].

Совершенно ясно, что идентичность не может быть определена без соотнесения с Другим. При этом в различных типах культуры существуют свои способы восприятия Другого. Идентичность не является чем-то застывшим, она представляет собой процесс; она всегда продукт социальных отношений, результат социальной коммуникации, где важнейшую роль играет то, как индивид или социальная группа субъективно воспринимают себя и Другого. Фигура Другого является важнейшим конструктом в теории идентичности. Поэтому конструирование идентичности в качестве обязательного условия предполагает и наличие Другого (в том числе и маргинального), а исследование идентичности требует изучения взаимосвязей между ними. П. Рикёр отмечал, что «прежде чем приступить к анализу идентичности, важно устранить значительную семантическую двусмысленность, угрожающую данному понятию. Сообразно латинским словам “idem” и “ipse” здесь накладываются друг на друга два разных значения. Согласно первому из них, “idem”, “идентичный” – это синоним “в высшей степени сходного”, “аналогичного”. “Тот же самый” (“tete”), или “один и тот же”, заключает в себе некую форму неизменности во времени. Их противоположностью являются слова “различный”, “изменяющийся”. Во втором значении, в смысле “ipse”, термин “идентичный” связан с понятием “самости” (ipseite), “себя самого”. Индивид тождествен самому себе. Противоположностью здесь могут служить слова “другой”, “иной”. Это второе значение заключает в себе лишь определение непрерывности, устойчивости, постоянства во времени (Beharrlichkeit in der Zeit), как говорил Кант. Задача скорее состоит в том, чтобы исследовать многочисленные возможности установления связей между постоянством и изменением, которые соответствуют идентичности в смысле “самости”» [4].

Идентичность непосредственно связана с проблемой субъективности, с тем, как под влиянием социокультурных, политических и других факторов формируется общественное и индивидуальное сознание. Идентичность не может быть объяснена через идею универсализма, поскольку она формируется через противоречия и различия. В этом смысле идентичность современного российского общества может быть рассмотрена как формирующаяся на социокультурных границах различных состояний как самого общества, так и его общественного и индивидуального сознаний, где его прежнее состояние – это иное состояние, а его прежнее сознание – это сознание «другого». Если традиционно считалось, что чувство «самости» достигается при соотнесении индивидом себя с одной системой ценностей, культурой в целом, то в последние десятилетия стало очевидным, что человек может ощущать себя принадлежащим одновременно к различным культурам. Более того, индивид может существовать и в культурной маргинальности, которая, по определению Х. Чои, может быть описана как чувство «пассивной промежуточности» между различными культурами, где индивиды воспринимают себя не принадлежащими всецело ни к одной из этих культур [5].

Д. Беннет концептуализировала понятие «культурная маргинальность» как содержащее в себе два возможных исходных сценария: «изолированная марги-

нальность» и «конструктивная маргинальность». Согласно её концепции, изолированная маргинальность является свидетельством ощущения одиночества, отчуждения, самоизоляции и внутреннего напряжения (см. [5]). Она определяет степень сродства между трансформирующимися культурами как фактор напряжённости, а также глубины дезинтеграции для «изолированного маргинала». Так, чем в большей степени различные культуры отличаются друг от друга, тем в большей степени индивид подвержен культурному шоку. Важный аспект анализа культурного шока во взаимосвязи с проблемой кризиса идентичности – это представить его с точки зрения напряжённости между внутренним самоощущением «самости» и обществом. Напряжённость обусловлена тем, что, с одной стороны, индивид стремится сохранить приверженность прежним корням и ценностям прежней культуры, а с другой – он испытывает давление со стороны другой культуры, в рамки которой он может быть интегрирован, только восприняв её ценности и нормы. Это состояние культурного конфликта может создать чувство «культурной бездомности», отсутствия принадлежности к целому (обществу), что в итоге порождает «глубинную изолированность». Конфликтующее давление указанных факторов на формирование идентичности создаёт вынужденную напряжённость для «изолированной маргинальности».

Второй тип маргинала Беннет определяет как индивида, берущего на себя активную роль в сознательном конструировании своей идентичности. Такой тип, названный конструктивным маргиналом, без труда перемещается между культурными идентичностями и создает «интегрированное мультикультурное существование» [5].

Для современного российского общества преимущественно характерен первый тип маргинальности, отличающийся состоянием разрыва между основаниями предшествующей самоидентификации и теми социокультурными реалиями, которые порождаются новыми процессами, протекающими в социуме. Это состояние можно описать как состояние напряжения, поскольку в основе своей оно имеет неопределённость социального статуса большей части общества, разрыв в ценностных ориентирах, традициях. В данном случае маргинализация огромных социальных групп выступает важнейшим фактором самоидентификации, поскольку в процессе социальной рефлексии способствует осмыслению того разрыва, который существует между состояниями «мы прежние» и «мы настоящие». Об этом писал Х. Ортега-и-Гассет: «Жестокий разрыв настоящего с прошлым – главный признак нашей эпохи, и похоже, что он-то и вносит смятение в сегодняшнюю жизнь. Мы чувствуем, что внезапно стали одинокими, что мертвые умерли всерьёз, навсегда и больше не могут нам помочь. Следы духовной традиции стёрлись. Все примеры, образцы, эталоны бесполезны. Все проблемы, будь то в искусстве, науке или политике, мы должны решать только в настоящем, без участия прошлого» [6].

Множественность и динамизм происходящих в современном обществе процессов определяют то, что существующие нормы и ценности не могут являться упорядочивающими социальную жизнь регуляторами. В результате происходит фрагментация социокультурного пространства, содержащего в себе как элементы прошлого и настоящего, так и некие «пустоты». В такой ситуации, по замечанию Э.А. Орловой, значительная часть людей оказывается не в состоянии

определить своё место в разрушающемся пространстве ранее существовавшего культурного опыта. В таких условиях детерриториализации происходит маргинализация целых социокультурных групп. Соответственно, формируется сознание, характеризующееся ценностным релятивизмом, ощущением фрагментированности мира и личности, маргинальности, отражающее децентрированность существования людей в обществе и культуре (см. [7, с. 404, 406]). Это не может не оказывать влияния на конструирование самоидентификации маргинального субъекта, находящегося в «околоструктурной зоне».

Проблема маргинальности особенно остро встаёт в условиях идентификационного кризиса, который охватывает все сферы жизни современного общества. Определяя понятие кризиса, С.А. Смирнов выделил следующие его составляющие (см. [8]):

- радикальная проблематизация донныне существовавших представлений о развитии;
- истощение и вымывание институтов, на которых крепились механизмы развития;
- проблематизация схем и сценариев развития, способов и типов мышления и действия;
- попадание в тупик, в котором истощены все привычные ресурсы развития;
- проблематизация образцов, на которые равнялся субъект развития.

Таким образом, сегодня мы можем говорить о тотальном кризисе общества, усиливающем процессы маргинализации как отдельных личностей, так и целых социальных групп и систем. Что касается состояния российского общества, то его положение нередко оценивается как маргинальное по отношению к мировому социокультурному пространству. Пожалуй, можно сказать, что ни одна страна в мире не разрушила столько базисных оснований своего бытия, социальных институтов, а также духовных ценностей и традиций. Это существенно проблематизирует выбор обществом духовных ориентиров, что в значительной мере объясняется именно разрушением социально-исторической памяти народа. Жизненность традиции для общества определяется её способностью соединить прошлое с будущим, поэтому общество оказывается в ситуации необходимости переоценки опыта своего исторического прошлого, но не имеет при этом чётких ориентиров на будущее. В этих условиях креативный потенциал маргинальности значительно снижается, поскольку если самоидентификацию можно определить как результат выбора, в том числе и выбора традиции, то проблематизируется сама возможность свободы как основы выбора. В этом отношении проблема маргинальности может рассматриваться как серьёзный инструмент для познания протекающих в обществе процессов. Так, для западной социальной теории устоявшейся является идея о том, что центр существует только в соотношении с маргинальностью, так же как и то, что центр может возобновлять свои ресурсы лишь через жизнеспособность маргинальности. Отсюда – необходимость осмысления протекающих в обществе социокультурных процессов сквозь призму диалектической взаимосвязи центра и маргинальности, а также оценка этих процессов и явлений как результата динамики этих полюсов, что позволит определить их роль в конструировании идентичности.

В американской традиции проблемы маргинальности рассматриваются преимущественно в рамках культурологического подхода, основателем которого был Р. Парк. В западноевропейской и латиноамериканской социологии понятие «маргинальность» используют в основном при исследовании социальных групп, которые в результате социальной мобильности выпали из системы устоявшихся общепринятых социальных связей. Хотя надо отметить, что с изменением социальных условий подходы к изучению феномена маргинальности также претерпевали изменения (см. [9, с. 7–27]). В отечественных социально-гуманитарных науках при анализе исследуемого феномена акцент делается как на социальной, так и на культурной составляющей. Это обусловлено прежде всего ситуацией социокультурного кризиса, сложившегося в России на рубеже тысячелетий. Современное российское общество, которое находится в состоянии системного кризиса, разлома, можно рассматривать как по сути своей маргинальное, в нём постоянно происходят «тектонические» сдвиги как в социальной структуре, так и в духовной жизни, важнейшей чертой которой является кризис ценностной системы.

Оценка современного российского общества как маргинального не несёт никакой аксиологической нагрузки, и мы в целом разделяем точку зрения Е. Старикова, что маргинальность представляет собой лишь «процесс перекомпоновки социальной мозаики, когда значительные по объёму людские массы переходят из одних социальных групп в другие», «болезнь роста социального организма» (цит. по [9, с. 148]). В то же время необходимо помнить, что изменения в социальной структуре общества необходимо влекут за собой изменения и в духовной сфере, культуре, и здесь процесс маргинализации имеет свою специфику.

При рассмотрении маргинальности в рамках культурфилософского подхода (взаимосвязи маргинальности и глобализационных процессов, социокультурной динамики, конструирования идентичности) представляется интересным анализ проблемы диалектической взаимосвязи маргинальности и свободы.

Свобода, являясь одной из «вечных» философских проблем, в современных условиях, с изменением всех основ существования человека, также трансформируется. В её осмыслении, с одной стороны, выявляются новые аспекты, а с другой – наблюдается принципиально иная трактовка проблемы в рамках традиционных подходов.

Взаимосвязь свободы и необходимости была очевидной уже для античных философов. Своё наиболее полное и завершённое развитие эта мысль получила в философии Гегеля, и сегодня при анализе процессов, протекающих в стране и мире, особую актуальность и новое звучание приобретает его мысль о том, что «во всемирной истории, благодаря действиям людей вообще получают ещё и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется ещё и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими» [10, с. 79–80]. Так, например, идеологи глобализации исходят из того, что создание единого экономического, социокультурного и политического пространства способствует более эффективному управлению социальными процессами, их упорядочению. В реальности всё

оказывается значительно сложнее. Глобализационные процессы привели к возникновению нового общественного устройства, которое сегодня называют «обществом риска» (У. Бек), и, как едко заметил З. Бауман, глобализацией «прозвали» «новый мировой беспорядок» [11, с. 44].

В истории общественной мысли проблема свободы традиционно сводилась к вопросу о свободе воли, выбора. Сегодня эта проблема является предметом всестороннего анализа, при этом обнаруживаются и новые её аспекты. Наиболее обсуждаемым в современных социогуманитарных исследованиях является вопрос о выборе идентичности на уровне как индивида (по мнению З. Баумана, «право выбора собственной идентичности является единственным универсальным правом гражданина и человека» [11, с. 119]), так и социальных групп. Актуальность этой проблемы обусловлена в значительной мере глобализационными процессами, формированием глобальной культуры, когда социальный субъект постоянно вынужден сознательно или неосознанно выбирать те или иные культурные ценности, конструируя собственную ценностную систему, свою идентичность. Особенно остро эта проблема проявляется в условиях современной российской действительности.

С середины XX века, когда развитые страны вступили в постиндустриальную эпоху, характеризовавшуюся резким повышением благосостояния, в западных гуманитарных исследованиях начинает активно разрабатываться проблема потребительской свободы. Идеологи общества потребления формируют у индивида убеждение, что свобода потребления является наиболее значимой в его жизни, что это и есть истинная свобода. В итоге, как отмечает З. Бауман, «для большинства членов современного общества индивидуальная свобода... выступает в форме потребительской свободы» [12, с. 113]. Но эта свобода является компенсацией ограничения свободы в других сферах жизни. Да и выбор индивида в сфере потребления также не является свободным. С точки зрения Ф.Г. Гервази, «выбор не является случайным фактом, он социально контролируется и отражает культурную модель, в рамках которой он осуществляется. Ведь производят и потребляют не любые блага: они должны иметь некоторое значение в существующей системе ценностей» (цит. по [13, с. 97]).

С. Жижек, анализируя проблему свободы выбора в обществе постмодерна, отмечает, что это общество постоянно находится в нестабильном состоянии, человек всё время вынужден приспосабливаться к изменяющимся условиям существования, испытывая чувство неуверенности, и это выдаётся за расширение поля выбора, за истинную свободу. Автор делает вывод: «парадокс состоит в том, что в этих посттрадиционных “рефлексивных обществах”, в которых нас постоянно побуждают выбирать, в которых даже такие “естественные” различия, как сексуальная ориентация и этническая идентификация, переживаются как выбор, полностью исключена возможность фундаментального, подлинного выбора» [14].

Таким образом, можно сказать, что свобода индивида в современном обществе имеет противоречивый характер: приобретая всё большую свободу выбора, он обретает всё больше иллюзорной свободы, и эта свобода при своей видимой безграничности на самом деле достаточно ограничена.

Взаимосвязь свободы и маргинальности в определённом смысле прослеживается уже в эллинистическую эпоху. Так, В.Ф. Асмус отмечает, что «в эпикуреизме и стоицизме проблема свободы возникает из запросов социальной жизни. Она порождается конфликтом между личностью и государством эллинистического типа. Однако ареной, на которой разыгрывается самый конфликт, остаётся индивидуальное поведение и индивидуальное сознание» [15, с. 53]. Можно сказать, что проблема свободы становится стержневой в философии, когда античное общество вступило в эпоху системного кризиса, вызванного распадом империи Александра Македонского, когда на смену полисной системе приходят монархические государства. Изменяются устои общества, его первооснова, происходит, если оперировать современными понятиями, маргинализация общества, принципиально изменяются условия существования человека, и он вынужден выбирать свой путь, цели и способы достижения этих целей, то есть оказывается в ситуации свободы – свободы выбора.

Обозначенная проблема выходит на первый план и в философии экзистенциализма в первой четверти XX века. Это время глубочайших социальных перемен, когда возникает необходимость переосмысления всех основ существования человека, «заброшенного» в переломную, кризисную эпоху (неслучайно философию экзистенциализма часто называют философией кризиса). В центре внимания представителей экзистенциализма оказывается существование индивида в пограничной ситуации, в ситуации маргинальности. Человек «обречён» на свободу, поставлен перед необходимостью постоянного выбора, конструирования себя.

Современное общество, находящееся в состоянии преобразования своих фундаментальных основ, характеризуется изменением социальной структуры, ценностной системы, возрастанием социальной мобильности, что объективно ведёт к его маргинализации, а это, в свою очередь, обуславливает как усиление необходимости выбора социального субъекта, так и расширение поля этого выбора. В ситуации неопределённости индивид, социальная группа, общество в целом вынуждены самоопределяться, самоидентифицироваться, пытаться обрести хотя бы кажущуюся опору своего существования, как-то укоренить себя в окружающей реальности. При анализе данной ситуации перед исследователем встаёт ряд вопросов, основным из которых является следующий: можно ли однозначно утверждать, что увеличение возможностей выбора автоматически означает рост свободы? Если да, то как трактовать эту свободу, в ситуации которой социальный субъект оказывается зачастую вопреки своей воле?

В общественной мысли давно сформировалась точка зрения, что можно говорить не о «свободе», а о «свободах», что существуют различные ипостаси, свойства свободы. Так, с именами Т. Гоббса и Дж. Локка связана традиция рассмотрения позитивного и негативного аспектов свободы, их взаимоотношения, которую в XX веке развивают Э. Фромм, И. Берлин, Р. Арон. По мнению И. Берлина, «негативное» значение свободы раскрывается через ответ на вопрос: «Велико ли пространство, в рамках которого человек или группа людей может делать, что угодно или быть таким, каким хочет быть?». Её позитивный смысл выявляется через ответ на вопрос: «Где источник давления или вмешательства, которое заставит кого-то делать то, а не это или быть таким, а не другим?». Таким

образом, «негативная» свобода есть свобода «от», отсутствие вмешательства, а позитивная означает «свободу быть хозяином себе» [16, с. 124, 137]. При анализе свободы в ситуации маргинализации этот подход, на наш взгляд, не даёт адекватной картины, не позволяет вскрыть противоречивого характера явления, и трудно не согласиться с З. Бауманом, что «свобода – это не только отсутствие ограничений. Чтобы что-то делать, нужны ресурсы» [12, с. 14].

Возможно, большим эвристическим потенциалом при исследовании проблемы взаимосвязи маргинальности и свободы обладает подход, существующий в рамках марксистской традиции, когда разграничиваются свобода формальная и реальная. Действительно, в анализируемой ситуации субъект формально имеет безграничное число возможностей для выбора, но, во-первых, возможностей для реального их воплощения в действительности несопоставимо меньше, а во-вторых, и это самое главное, в такой ситуации выбора социальный субъект оказывается под воздействием чуждых внешних сил, а это – главная характеристика несвободы. На наш взгляд, в современных условиях свобода в процессе своего диалектического развития вступает в качественно новый этап и нуждается в глубоком и всестороннем осмыслении.

Таким образом, рассмотрение проблем маргинальности и свободы выбора в их взаимообусловленности открывает новые возможности для исследования современных социокультурных процессов, одним из которых является поиск основ самоидентификации современного общества в мире, имманентной чертой которого является состояние напряжённости, неустойчивости, неопределённости.

Summary

G.K. Gizatova, O.G. Ivanova. Freedom of Choice and Marginality as Factors of Self-Determination in Modern World.

In this article, marginalization is considered as the most important factor of self-identification. It is shown that changes in the fundamentals of a society lead to its marginalization. In this case, living conditions of people change dramatically. A person is compelled to choose his or her own way, goals and means of achieving them and, thus, finds him- or herself in a situation of freedom of choice. The interrelation between marginality and freedom is revealed.

Key words: marginality, freedom, choice, sociocultural conditions, identity, globalization processes, situation of pressure.

Литература

1. Рашковский Е. Маргиналы // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева, М. Ферро. – М.: Прогресс; Пайо, 1989. – С. 146–149.
2. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб.: Алетейя, 1999. – 296 с.
3. Баньковская С. Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социол. обозр. – 2007. – Т. 6, № 1. – С. 75–87.
4. Рикер П. Повествовательная идентичность. – URL: <http://www.philosophy.ru/library/ricoeur/iden.html>, свободный.

5. *Horback S., Rothery-Jackson Ch.* Marginality: Exploration of Self-Esteem and Cross Cultural Adaptation of the Marginalized Individual: An investigation of the second generation Hare Krishnas. – URL: <http://www.immi.se/intercultural/nr14/horback.htm>, свободный.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gas_voss/01.php, свободный.
7. *Орлова Э.А.* Культурная (социальная) антропология. – М.: Академ. проект, 2004. – 480 с.
8. *Смирнов С.А.* Человек после человека. Антропологический Форсайт. – URL: <http://www.antropolog.ru/doc.php?id=439>, свободный.
9. *Балабанова Е.С., Бурлуцкая М.Г., Демин А.Н. и др.* Маргинальность в современной России. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Margin/_Index.php, свободный.
10. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 2000. – 480 с.
11. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 325 с.
12. *Бауман З.* Свобода. – М.: Новое изд-во, 2006. – 132 с.
13. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления: Его мифы и структуры. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
14. *Жижек С.* Что может сказать нам Ленин о свободе сегодня? – URL: http://scepsis.ru/library/id_1960.html, свободный.
15. *Асмус В.Ф.* Диалектика свободы и необходимости в философии истории Гегеля // *Вопр. философии.* – 1995. – № 1. – С. 52–69.
16. *Берлин И.* Философия свободы. Европа. – М.: Новое лит. обозр., 2001. – 440 с.

Поступила в редакцию
24.08.11

Гизатова Гульназ Казбековна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: Gulnaz_Gizatova@mail.ru

Иванова Ольга Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: Olga.Ivanova.ksu@mail.ru